

УДК 821.161.1-1(Татьяничева Л.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)64-445

Т. Н. Маркова
Челябинск, Россия

ПЕСНЯ ОБ УРАЛЕ: ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ Л. ТАТЬЯНИЧЕВОЙ

Аннотация. В лирике Людмилы Татьяничевой, чей столетний юбилей отмечается в 2015 году, запечатлен ценный опыт неповторимых наблюдений и обобщений. Их можно проследить в ряде тем — исторической памяти, судьбы русской женщины, жизни и смерти. Здесь проявляется характер ее лирической героини — мужественный, негибкий, самой природой сурового горного края наученный противостоять несчастьям. Лирические миниатюры Татьяничевой зачастую строятся на сюжетной основе, определенной жизненной ситуации, часто лично пережитой, глубоко прочувствованной. Отталкиваясь от предмета, факта, явления природы или жизни, авторская мысль основывается на впечатлениях, полученных от внешнего, объективного мира. Способом создания поэтического образа становится символизация образов уральской природы и одухотворение абстрактных понятий. Лаконичность, концентрированность мысли, преобладание морально-этической проблематики делают ее лирические миниатюры ярким явлением русской поэтической культуры двадцатого века.

Ключевые слова: Людмила Татьяничева, лирико-философская миниатюра, образная система, уральский характер.

T. N. Markova
Chelyabinsk, Russia

THE SONG IS ABOUT URAL: LYRICAL MINIATURES L. TATYANICHEVA

Abstract. The poems by Ludmila Tatyaniчева, whose centenary is celebrated on in 2015, captured the valuable experience of unique observations and generalizations. They can be seen in the number of topics — historical memory and the fate of Russian women, life and death. Here is manifested the character of her lyrical heroine — courageous, indomitable, the harsh nature of the mountainous region are taught to resist misfortune. Lyrical miniatures often built on a plot basis, of a particular situation, often personally experienced, deeply felt. Based on subject matter, of fact, natural phenomena or life, the author's idea is based on the impressions received from the external, objective world. Way to create a poetic image becomes symbolization images of Ural nature and inspiration of abstract concepts. Conciseness, concentration of thought, the predominance of moral and ethical issues make it lyrical miniatures bright phenomenon of Russian poetic culture of the twentieth century.

Keywords: Lyudmila Tatyaniчева, lyrical and philosophical miniature imaging system, the nature of the Urals.

Научно-методический журнал «Филологический класс» был создан по инициативе Н. Л. Лейдермана. Выдающийся ученый, теоретик литературы, одновременно, был неутомимым и страстным критиком, живо интересующимся проблемами текущего литературного процесса, развитием современной поэзии и прозы Урала. Он не только осуществил первый опыт воссоздания целостной картины литературного движения на Урале [Литература Урала 1998], но ратовал за продвижение этой литературы в школьные классы.

В читательском сознании имена поэтов неслучайно связываются с тем или иным краем нашей родины. Эта связь особенно отчетливо проявляется в индивидуальной образной системе и характере лирического героя. Мужественная и прекрасная горно-таежная уральская земля напитала своей строгой красотой и силой, одарила неповторимыми, незаемными красками поэзию нашей славной землячки Людмилы Татьяничевой, чей столетний юбилей отмечается в 2015 году. Оставаясь верной и любящей дочерью Урала, она встала в ряд лучших российских поэтесс, заняла достойное место в большой антологии поэзии XX века.

Будущая поэтесса родилась в Мордовии. Рано оставшись сиротой, она была взята на воспитание дальними родственниками. В Свердловске окончила школу и уже поступила на рабфак института цветных металлов, когда романтика комсомольской

стройки позвала 19-летнюю девушку в дорогу. Так в ее жизни возник Магнитогорск, где началась ее поэтическая биография.

На долю поколения, к которому принадлежит Людмила Татьяничева, выпало немало испытаний. Опыт собственной судьбы Людмила Татьяничева по праву поверяет опытом жизни всей страны. Это придает ее стихам безыскусную искренность и достоверность:

Я рыла доты,
Строила заводы
И в зелень одевала пустыри.
С народом вместе прожитые годы
За мною встали,
Как богатыри.
[Татьяничева 1976]

Для лирической героини Татьяничевой такое мироощущение является естественным, дающим счастье цельности, тесной связи с всеобщим. Отсюда возникает страстно-напряженное стремление быть с веком наравне, чувство личной ответственности за все происходящее в мире. Обращаясь к современности, поэтесса находит ее начала в героическом прошлом:

Не только острием пера —
Рука народа истоиво писала
Историю огнем кресала,
Сохой, клинком и сталью топора.

Прошлое своей родины Татьяничева освещает не в эпически-развернутом, а преимущественно в лирико-ассоциативном плане, что определяет композицию ее стихов. Нередко отправными точками служат факты личной биографии, от которых поэтическая мысль устремляется к обобщениям.

Так, в цикле стихов о двадцатых годах целый ряд художественных деталей зримо воспроизводит суровую обстановку тех лет: застывший горн кузнечного цеха, потоптанное бандами жито, черные ржаные горбушки, почитаемые детворой тех лет за медовые пряники. Между тем не точность штрихов, живо передающих конкретные приметы времени, а поиск и постижение на их языке нравственных истоков жизни народа отмечаем мы как особенности характера лирической героини стихов «Хлеб», «Родник», «Сиротство», «Пелагея Гавриловна», «Медяки»:

Под сенью берез белопенных
Мы жили — других не бедней...
Два пятака неразменных
Было у бабки моей.
Два темных кружочка из меди
Прятала за образа,
Чтоб не просить у соседей
Грошей прикрыть глаза.

Автор обращается к жанру баллады, отдельным сюжетным зарисовкам для передачи незабываемого опыта в годину испытаний. Думается, правомерно критика называет подобные произведения «эпосом малых форм».

Стихотворный тетрапих, носящий программное название «Памятью сердца», заключает своеобразный развернутый образ-воспоминание. В первых двух частях возникает образ матери: ее трудовые руки, ласковый голос, доброе лицо, бесхитростные беседы с соседями за морковным чаем. Дорогие черты как бы изнутри скреплены чувством безысходной тоски от невозможной потери — смерти любимого человека. В третьей части — новый город и гудящее шоссе на месте снесенного кладбища. Мотив обновляющейся жизни сопряжен с глубокой болью и одновременно с пониманием величия духовного богатства, обретенного в отношениях с матерью. Ее образ логично вырастает до философски значительного: «Мама, мама, Мать — сыра земля... Мать земля, матерей наших мать!». Поэтому финальной становится клятва родной земле:

Мы — твое порожденье, земля,
Мы — твое продолженье, земля,
Мы — горячее сердце твое!

Полуголодные сиротские годы, метушиеся лета юности, суровые перевалы войны — вот в каких условиях формировался характер, собранный, строгий, цельный. В стихах Татьяничевой запечатлены многие черты суровых лет Великой Отечественной. Но они нацелены на раскрытие не физических, а нравственных переживаний и завоеваний. Нагнетание реалий тяжелого, горького трудового тыла (трудный марш очередей за хлебом, суровый голос Левитана над молчанием площадей, дети в ватнич-

ках худых, вдов опущенные плечи) венчается экспрессивным обобщением:

Из гнева плавился металл,
А слезы превращались в порошок.

Стихи о войне часто поражают символом, очень емким, до которого умело поднят образ быденного предмета. Автор как бы передоверяет свою мысль поражающему нас штриху: с ириской, зажатой в смуглом кулачке, погиб ребенок при обстреле, яблоко несла мать больному сыну, отдав спекулянту всю получку («Ириски», «Красный апорт»).

Способом создания поэтического образа становится одухотворение абстрактных понятий. Например: *Память валится с ног. Память помнит устала*. Перенасыщенная трагическими переживаниями людская память становится живым одухотворенным существом, к которому можно обратиться так:

Я прошу ее:
— Сядь,
Ты устала стоять,
Ты меня не намного моложе.
[Татьяничева 1976:47]

Уставшая, она хранит самое дорогое и святое для поэта, но может и безжалостно вскрывать едва зарубцевавшиеся раны. Сдавленный крик женщины, припавшей к подножью памятника («На открытии памятника») — это внезапно воскрешенный образ возлюбленного, потревоженная скорбь матери или вдовы.

Произведения Людмилы Татьяничевой о нелегкой доле женщин военных лет звучат на особой ноте страстного сопереживания. В голосе лирической героини Татьяничевой как бы сливаются голоса многих ее соотечественниц — от Ярославны до наших современниц. Убедительная линия духовного становления несгибаемого женского характера воссоздается зачастую средствами локального бытового образа. На трудном хлебе растили детей солдатки, им никогда не забыть, «как сумку тяжело пустую голодным детям приносить» («Жила в тылу», «Ржаные пироги»):

В суровый год пекла я пироги
Из черной, с горем пополам муки,
С начинкой из мороженой калины.
Не каждый день —
Лишь сыну в именины.

В семидесятые годы в осмыслении Татьяничевой военного опыта проявляется новый аспект: она видит в войне причину пресечения гармонического течения самой жизни и, признавая одухотворяющую силу страдания, бескомпромиссно выступает против разрушения священных законов природы. В свете нового опыта происходит существенная трансформация образов. Так, образ «золотокомого сталевара», созданный поэтессой в 1943 году, спустя 36 лет получает новое толкование. Цена победы в последней войне оказалась дороже, жесточе, горше, чем расплата молодостью и красотой:

В ней женственность
И материнства силы
Дыханьем ярым

Погасил огонь.
А ей бы легче у родной
Могилы
Стоять в слезах,
Прижав к груди ладонь.
[Татьяничева 1979: 182]

Трагедия русских женщин сороковых годов венчается картиной страшных последствий войны для человечества. Вдовьи слезы сушит время, тоску лечит материнство, но ни с чем нельзя сравнить глубину отчаяния обреченных войной на одиночество. Для выражения своей мысли поэтесса прибегает к образу безысходной печали:

Смотрят глазами бездонными
На матерей счастливых
Невесты,
Не ставшие женами,
В войну потерявшие милых.
[Татьяничева 1976: 37]

Мотив этот получает еще более пронзительное звучание в контексте одной из самых «татьяничевских» тем — поэтизации самоотверженного материнского чувства. Разнообразна гамма переживаний в этих стихах: древнее, как мир, таинство рождения, одухотворяющее женщину («Мадонна»), боль матерей, потерявших своих детей на военных дорогах («Красный клен у окна»), законная гордость и вместе с тем тревога за взрослых сыновей («Тревога»). Но над всем главенствует всепоглощающая материнская любовь:

Одни грустят о первых соловьях:
О, как они самозабвенно пели!
А мне всю жизнь грустить о сыновьях,
Так безмятежно спавших в колыбели...
И не устанет сердце вспоминать
О той поре, прекрасной и мгновенной,
Когда бывает для ребенка мать
Землей и солнцем,
Целою вселенной.

Эта тема развивается от взволнованно-тонкой передачи конкретно-эмоциональных состояний лирической героини («Спящий ребенок», «Ты болен, мой сокол») к обобщениям нравственно-эстетического порядка в стихотворении «Мадонна»:

Наперекор изменчивой молве
Художники прославили в веках
Не девушку с венком на голове,
А женщину с младенцем на руках.
Девичья красота незавершена:
В ней нет еще душевной глубины.
Родив дитя, рождается мадонна.
В ее чертах — миры отражены.
[Татьяничева 1976: 297]

Усложненность философско-эстетического поиска зрелых лет творчества, несомненно, оттачивает поэтическую форму лирики Татьяничевой. Например, читаем:

Труднее пишется с годами.
Никак себе не угодишь.

Над испещренными листами
Порою до светла сидишь.
Не то. Не так. И вновь черкаешь.
И снова льнет к перу рука...

Усеченные конструкции внутри предпоследней строки, создающие иллюзию прерывистого от волнения дыхания, анафора на стыке строк, наконец, говорящая и экономная деталь (*испещренные, исчерканные листы*) придают эмоциональную насыщенность размышлению Татьяничевой о поэтическом мастерстве, все более самокритичному, а главное — соотносённому с идеей назначения человека на земле, с понятием счастья творческого труда.

Не идеализируя действительности, не упрощая человеческого взаимодействия с ней, Татьяничева в драматических (а иногда и трагических) картинах высвечивает состояние противоборства с препятствиями и находит эстетически убедительный образ спасительной противоположности. Однако в образной системе поздней Татьяничевой явно ощущается «потепление» климата. В этом смысле показательны самые названия поэтических книг: «У рассвета сосны розовы» (1977), «Хвойный мед» (1978), «Калитка в лес осенний» (1979). Поэтесса поднимается до «свежести слов и чувства простоты». Такое сочетание, конечно, знак подлинного мастерства, и здесь Татьяничева снова находит свои, оригинальные краски.

Стих возникает так же естественно, легко, всегда неожиданно, как олененок на заснеженном поле («Мой олененок»). Устойчивое сравнение–метафора «слово-птица», столь знакомое по ранней поэзии Ахматовой, рождает целый поток неповторимых аналогий в лирике Татьяничевой: строка — *труженица-пчела* или добрый *Конек-Горбунок*, рифмы — *чайки*, ритмы — волны, стихи — *колосья*, нежно и упорно возвращаемые на ниве сердца. Рождение слова, стиха получает у Татьяничевой разные метафорические решения: прорастающие в сердце зерна, рождающиеся в сотах янтарное чудо, но чаще других — огненное, и даже «колдовское»:

Из лучей,
Из заповок,
Из трав
В звонком тигле
На сильном огне
Выплавляю особенный сплав...
Лучей осенних собираю хворост,
Чтобы высокий
Распалить костер.

Такой костер разжигается на сердце, как на бересте обычный огонь; поленьями служат надежды, радость, горе, сомненье. Когда же пламя очистится от дыма, легко, неотвратимо «узлами рифм завяжутся слова» («Береста»).

В последние годы Л. Татьяничева отдает явное предпочтение лаконичным, концентрированным формам лирических медитаций, исчерпывающим замысел в малом объеме. Отталкиваясь от предмета, факта, явления природы или жизни, авторская мысль основывается на впечатлениях, полученных от внешнего, объективного мира. Лирическая ми-

ниатюра Татьянической может строиться на сюжетной основе, определенной жизненной ситуации, часто лично пережитой, глубоко прочувствованной. Такое стихотворение всегда содержит повествовательный элемент, некоторый балладный оттенок. Повествование в нем может быть развернутым, как, например, в «Балладе о доброте».

Детская память навечно запечатлела подробности горького, страшного дня похорон матери: старенькие дроги, дешевый гроб, комья глины, тонкий ствол рябины у могильного холмика, обвязанный для приметы цветным платком, шарф из серого козьего пуха, которым укутал стынущую от горя и холода сироту возница–татарин. Эта последняя деталь приобретает характер символа:

Шарф, из серого
Козьего пуха
Меня добрым теплом
Одарил.

Сюжетная ситуация может быть только намеченной, указанной, как в миниатюре «Припомнишь». В толчее военного вокзала девочка–заморыш занята своим важным делом: она молча подает в солдатские теплушки запотелый ковш с родниковой водой. Повествования как такового нет, запечатлен всего один эпизод, даже кадр, большой войны, а образ сразу получает силу обобщения: ключевая вода становится живой водой, незамутненной, но горькой, как детская слеза.

В лирике последних лет запечатлен ценный опыт собственных неповторимых наблюдений и обобщений. Их можно проследить в ряде тем — исторической памяти, Родины, судьбы русской женщины и т. д., но наиболее наглядно — в решении вечной проблемы жизни и смерти. В стихах Татьянической зрелой поры нет места безмятежности, они полны открытого драматизма, так как обращены к быстротечности отведенного человеку времени. Щемлящая нота разочарования не мешает, однако, автору открыть величие вечного обновления:

Что вечно?
Вопрошаешь ты в тоске.
А лето расцветает
Молодое.
Дитя резвится на речном песке,
И у воды
Сидят, обнявшись, двое.
[Татьяническая 1979:10]

На первый взгляд, общему жизнеутверждающему настроению противостоят такие стихотворные миниатюры, как «Жизнь проходит», «Гасит смерть», «Всё остаётся людям...» и некоторые другие. Сильно выражены здесь горестные сомнения, нередко подчеркнутые анафорически организованными вопросительными предложениями, сомнения, вызванные и житейскими разочарованиями, и раздумьями о вышних мирах:

Гасит смерть
Дорогих адресов маяки.
Ни звонка,

Ни письма,
Ни пожатья руки.
На любимых устах
Застывают слова.
...Неужели и в этом
Природа права?!

[Татьяническая 1975:38]

Однако, как почти везде в последний период творчества Татьянической, ответ таится в самой постановке вопросов, в их полемическом звучании. Экспрессия выражения того, что не происходит (миры свои не оставляет мыслитель, а человеческое сердце — таимый от всех дерзкий поиск, смерть разрушает любовь, близость), позволяет воспринять все эти строки как поклонение богатству жизни, ценности каждой личности, хотя тем трагичнее прощание с ними.

В лирических размышлениях Татьянической есть две пограничные точки: рассвет, светлый мир юности, начала пути и «огненная черта тревожного заката». Мудрое и мужественное стихотворение «Междузорье» несет утверждение заветной мысли поэтессы о том, как трудно, но необходимо сохранить стремление в лучезарную высь, пронести от зари до заката высоко духовные и героические мысли и чувства:

В междузорье вмещается день.
В междузорье вмещается ночь.
Я искала траву одолень,
Чтобы утру
Родиться помочь.
Только зорь
Высоки берега.
И дорога к ним еле видна.
Быстро мчится меж ними
Река —
Днём светла,
А ночами темна.
Поняла я, —
Ты тоже пойми,
Глядя в эту рассветную высь,
Что не только все ночи
И дни,
В междузорье
Вмещается жизнь.
[Татьяническая 1975:137]

Замечательно, что Татьяническая последовательно обогащает символические образы природы. На раннем этапе творчества они употреблялись как «служебные», чтобы оттенить красоту созданного человеком. Теперь, наоборот, вечные явления жизни символически включают в себя разные по протяженности и значению отрезки времени (Октябрьская заря, заря Магнитки), противоположные периоды человеческой жизни (рассвет, закат). Такое многозначное содержание ведёт к внутренним сопоставлениям разных смыслов «зорь».

Ю. Черепанов вспоминает интересный разговор с Татьянической о «секретах» творчества: «Она рассказала о том, что всё время снился ей тревожный сон, один и тот же: сосновый бор, а посреди

поляны высокое, как струна, дерево, и она, — босоногая, прокалённая солнцем до смуглоты девчонка — встречает будто седым мохом поросшего старика. «Оно — твоё: растёт, пока ты растёшь», — говорит он. Тревожный сон. И вот однажды ночью, разбуженная им, она села в кухоньке и написала стихи. Назвала их — «Кольца», кольца жизни на дереве, год за годом» [Черепанов 1976].

В могучем солнечном бору
Есть дерево одно.
Умру — и тотчас топору
Подставит грудь оно.
Так жадно любящее жить,
Подставит смерти грудь,
Чтобы достойно снарядить
Меня в прощальный путь.
Ему как будто суждено
Дать мне прощальный кров,
Так на Руси заведено
Ещё спокон веков...

Благородны и глубоко человечны душевные движения, отразившиеся в поздней лирике Татьянической. Безусловное уважение и доверие вызывает выстраданное и потому неистребимое жизнелюбие поэта. И, конечно же, неслучайны кажущиеся неожиданными в «предзимье» образы: «юность новая моя», «у новых весен на краю», так же как глубоко органичен эпиграф к стихотворению «Вступает возраст в новые права», взятый из бессмертного «Кола Брюньона»: «Я — то что будет, а не то, что было». Источник этого жизнелюбия питает сама Вечная Природа, её законы, по-своему гарантирующие человеческое бессмертие:

У зимнего дня на виду
Солнце роняет корону...
По склону раздумий иду
Я будто по горному склону.
Иду, ни о чём не тужу
И в облаках не витаю.
Лишь пройденный путь свой
Слежу
Да близкие судьбы
Читаю...
Вдруг,
Сердце моё леденя,
Под ноги мне падает
Птица...
А время отчаянно мчится
При мне,
Но уже без меня.

Мотив ухода из жизни стал нарастать по ходу продолжительной болезни Татьянической. Однако до последнего часа столкновение с «чёрным айсбергом Смерти» кажется ей преодолимым («Год кочую на раненой льдине»), и более всего заботит боль близких, чувство их утраты. Она приходит к осмыслению недопустимой несправедливости, когда юные души соприкасаются с каждой конкретной гибелью, переживают страшное узнавание, «что стопроцентна смертность на земле!» Самоотверженная позиция поэтессы рождает строки редкой проникновенности

и глубины. Шестым апрелем 1980 года датировано стихотворение «Профиль»:

На срезах скал
Гроза резцом нагим
Мой профиль отчеканит.
Кем буду для тебя,
Когда меня не станет...
О, лишь не одиночеством
Твоим.

[Татьяничева 1980: 3]

Татьяничева не только не драматизирует, но даже пытается снять трагическую мантию с темы прощания с жизнью:

Когда же я выроню стремя,
Во мне остановится время,
Как стрелки
На старых часах,
или:
Помахав на прощанье
Случайным прохожим,
Я с былинкой уйду
В невесомой руке.

Ощущение богатства живого мира даёт силы даже перед небытием восстать против забвения.

Татьяничева стремится донести страшное противоречие между вечным движением жизни и неестественным для человека покоем, остановкой времени. Кроме того, благородная сдержанность достигается Татьянической ценой невероятного напряжения душевных и физических сил, и она умеет на высокой ноте протеста против темных сил страдания донести это состояние: «Как трудно крови Течь, Как больно крови Стыть»;

И, лишь когда нагрязнела беда
И обнажилась бездна
Предо мной,
Я крикнула:
— Мне рано в никуда,
Еще не завершён мой путь земной!
[Татьяничева 1980: 11]

В лирике Татьянической необычайно усиливается драматизм волевого напряжения, яростной борьбы со смертью, борьбы, в которой последний глоток воздуха отдается «Слову–Песне», оказавшейся способной наперекор всему пробудить всплеск жизни. Именно ее бурной красоте, активной энергии поэт свой гимн Татьянической:

Мне снилось,
Что лодка уходит ко дну
Кратчайшей
Из всех моих прежних дорог.
Что слов остается —
На песню одну,
А воздуха —
Лишь на единый глоток.
Последний глоток
Отдаю я словам, —
И лодка, влекомая к темному дну,
Всплывает! —

Назло всем погибельным снам,
Тяжелым ребром разрезая волну.
[Татьяничева 1979: 34]

Именно так проявляется характер лирической героини, мужественный, негибемый, самой природой сурового горного края наученный противостоять несчастьям.

Популярность стихов Татьяничевой поистине всенародна, некоторые ее строки стали хрестоматийными. В сочинениях старшеклассников и сегодня часто цитируется: «В Урале Русь отражена». У такой хрестоматийности есть и своя оборотная сторона: популярные строки как бы заслоняют остальное творчество поэта. Повторение утверждения — «певец Урала» — невольно сводит творчество Татьяничевой к одной теме, представляет ее читателю как регионального поэта. А это неверно и несправедливо. В лучших своих произведениях Татьяничева достигла подлинных высот поэтического мастерства. Лаконичность, концентрированность мысли, преобладание морально-этической проблематики делают ее лирические миниатюры ярким явлением русской поэтической культуры двадцатого века.

Данные об авторе

Маркова Татьяна Николаевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и методики обучения литературе, Челябинский государственный педагогический университет.

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина 69.

E-mail: makavelli@hotmail.ru.

About the author

Markova Tatyana Nikolaevna is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Literature and Methods of Literature Education Department, Chelyabinsk State Pedagogical University.

ЛИТЕРАТУРА

Татьяничева Л. К. Избранные произведения: в 2 т. — М.: Художественная литература, 1976.

Татьяничева Л. К. Калитка в лес осенний: Книга новых стихов. — М.: Советский писатель, 1979. — 248 с.

Татьяничева Л. К. Междурозье. Стихи — М.: Советский писатель, 1975. — 142 с.

Татьяничева Л. К. Последние стихи // Знамя — 1960. — №8. — С. 3–11.

Барковская Н. В. Литературная репутация Людмилы Татьяничевой (в преддверии 100-летнего юбилея) // Прагматика поэтики: стратегии продвижения регионального текста: сб. ст. — Пермь, 2014. — С. 62–69.

Литература Урала: Очерки и портреты. Книга для учителя. — Екатеринбург. 1998. — 695 с.

Маркова Т. Н. Анна Ахматова в творческой судьбе Л. Татьяничевой // Русская литература. — 1983. — №3. — С. 150–155.

Маркова Т. Н. Молчанье о любви в лирике Л. Татьяничевой. — Режим доступа: <http://mediazavod.ru/articles/98803>

Черепанов Ю. Радуга между зорями // Известия. — 1976. — 20 апреля.

Ягодинцева Н. Судьба и творчество Людмилы Татьяничевой. К 90-летию // Урал. — 2005. — №12.